

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ВОПРОСАМ СВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Из литературы по вопросам связи языка и мышления, вышедшей в свет после опубликования гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию, мы рассмотрим лишь несколько работ.

Обратимся прежде всего к статьям, раскрывающим учение классиков марксизма-ленинизма о связи языка и мышления. В журнале «Большевик» этому вопросу посвящена специальная статья Н. П. Антонова¹. Во вводной части статьи автор показывает различное понимание мышления материалистами и идеалистами. В первой главе в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» вкратце излагается сущность павловского учения о первой и второй сигнальных системах. В следующей главе говорится о возникновении языка и мышления в их взаимосвязи. В третьей главе Н. П. Антонов указывает на недопустимость как отождествления языка и мышления, так и смешения их с мировоззрением. В заключении автор касается недостатков советской психологии на данном этапе ее развития.

Рассматриваемая работа правильно ориентирует читателя в вопросах связи языка и мышления, и мы ограничиваемся замечаниями лишь по поводу частных положений, высказанных Н. П. Антоновым попутно, по ходу изложения.

1. На стр. 23 читаем: «Взаимодействие обеих сигнальных систем предполагает воздействие второй сигнальной системы на первую», — а также, продолжим мы, и первой на вторую, если говорится о взаимодействии.

2. В разных местах статьи встречаются термины, называющие формы выражения мыслей. Так, отмечается словесно-речевая форма. Это — «слова, предложения, речь устная и письменная» (стр. 26). Значит, автор понимает речь как форму выражения мысли. Иная точка зрения высказана в недавней статье Н. С. Мансурова, который пишет: «...язык — это не форма, а способ существования мысли»². Нам кажется, что язык — не форма, а материальная оболочка мысли, имеющая собственные формы так же, как имеет их мышление, причем и те и другие взаимосвязаны, соотносительны. Неотложная задача философов, психологов и лингвистов — общими усилиями найти решение этой проблемы.

Далее Н. П. Антонов отмечает материальную форму выражения мыслей. Это — «звуковая сторона слова... различная в разных языках», она «является принятым в данном языке обозначением предметов, их свойств и отношений» (стр. 27—28). То, что автор именует материальной формой, есть материал, из которого создаются слова, звуковая оболочка языка. Функцией обозначения (названия) обладает не одна сторона слова, а слово в целом, во всей совокупности его свойств.

Наконец, на стр. 28 указана логическая форма выражения мыслей, понимаемая Н. П. Антоновым как суждение. На самом же деле суждение — форма мысли. Средством выражения суждения является предложение, что, в сущности, отмечает тут же вскоре и сам автор, когда указывает, что понятия, суждения и умозаключения выражаются словами (стр. 28). Мысль же составляет содержание как суждения, так и предложения.

3. Используемое Н. П. Антоновым определение слова («...слово — это исторически сложившееся в опыте людей и общепринятое в данном языке условное обозначение предмета», стр. 28) нуждается в коррективах в свете требований современной лингвистической науки. Определение слова будет приведено ниже, при рассмотрении статьи Е. М. Галкиной-Федорук.

¹ Н. Антонов, О неразрывной связи мышления и языка, «Большевик», М., 1952, № 15, стр. 19—30.

² Н. Мансуров, Порочный учебник, «Литературная газета» 28 июня 1952 г.

4. Нельзя согласиться с Н. П. Антоновым, отождествляющим смысловое содержание слова и понятие: «Слово отражает предметы и явления объективного мира не своим звуковым комплексом или написанием, а смысловым содержанием — понятием» (стр. 27). Наши соображения по этому вопросу будут высказаны ниже — в замечаниях о работах П. С. Попова и А. Г. Спиркина.

5. Одной из основ языка, наряду с грамматическим строем, является о с н о в н о й словарный фонд, а не словарный фонд, как об этом говорит Н. П. Антонов (стр. 28). Понятие словарного фонда ничем не отличается от понятия словарного состава языка.

6. Заслуживает внимания следующая интересная мысль Н. П. Антонова: «...основу мышления составляют его логический строй (законы и формы мышления) и понятия, которыми оперирует мышление» (стр. 28). Это верно. Но целесообразнее говорить не просто о понятиях, а об основном круге понятий³. Таким образом, при всей ценности статьи Н. П. Антонова некоторые места ее нуждаются в поправках.

В журнале «Вопросы философии» той же теме посвящена специальная статья А. В. Вострикова⁴. В первой и второй главах автор раскрывает тезис о том, что язык и мышление возникают и существуют во взаимосвязи, в третьей показывает специфику как языка, так и мышления и, наконец, в четвертой утверждает: «Марксистско-ленинские положения о неразрывной связи языка и мышления, о роли языка в познании, развитии И. В. Сталиным, — острейшее оружие в борьбе с идеализмом в философии и языкознании» (стр. 63). В статье подробно представлены высказывания Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина о связи языка и мышления и приведен комментарий к этим высказываниям. Кроме того, в первой главе изложено учение акад. И. П. Павлова о первой и второй сигнальных системах, которое рассматривается как естественно-научная основа учения классиков марксизма-ленинизма о единстве языка и мышления. По ходу изложения во всех случаях, где это необходимо, автор дает критику ошибочных положений акад. Н. Я. Марра.

Расценивая в целом работу А. В. Вострикова как нужную, подробно ориентирующую читателя во взглядах классиков марксизма-ленинизма на данный вопрос, мы не можем, однако, не сделать некоторых замечаний.

1. Читателю статьи не становится ясным, где границы между такими взаимосвязанными категориями, как сознание и мышление. На стр. 51 мы читаем о том, что предметы природы, их свойства и законы природы отражаются в сознании человека, а на стр. 58—59 говорится о мышлении как свойстве человеческого мозга отражать объективный мир. Все это так, но нам кажется, что А. В. Вострикову следовало бы пойти дальше и показать, чем отличается специфика отражения, присущая сознанию, от специфики отражения, присущей мышлению, что сейчас очень важно и для философии, и для лингвистики — в плане выяснения соотношения: а) языка и сознания, б) языка и мышления.

2. На стр. 53 при изложении учения И. П. Павлова автор говорит об образном мышлении. К сожалению, на протяжении всей статьи он не затрагивает вопроса о термине, принятом в искусствоведческой литературе: «образное мышление художника».

3. Что такое умственный образ? А. В. Востриков делит образы на наглядные и умственные. «Понятие качественно отличается, — пишет автор, — от ощущений, восприятий и представлений. Если последние представляют собой н а г л я д н ы е (разрядка наша. — С. Ф.) образы предметов и явлений, то понятие есть мысль о предмете или у м с т в е н н ы й (разрядка наша. — С. Ф.) образ» (стр. 61). О каком умственном образе идет речь, если понятие выражается в слове? Может быть, автор имеет здесь в виду о б р а з слова (звучащего или написанного), возникающий в нашем сознании в известных условиях и отличающийся от самого слова (звучащего или написанного)? Не ясно.

4. Советская лингвистика ушла далеко от того определения слова, которым пользуется А. В. Востриков. «Слово, — полагает он, — представляет звуковой комплекс, имеющий определенный смысл и значение» (стр. 60). Почти то же мы находим в литографированном издании курса лекций Ф. Ф. Фортунатова, относящемся к 1899—1900 годам. «Всякий звук речи, — говорил он, — имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово»⁵. В исследовании природы слова — это пройденный этап. К данному вопросу мы возвратимся при рассмотрении статьи Е. М. Галкиной-Федорук.

³ Ср. П. Я. Черных, И. В. Сталин об основном словарном фонде языка, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», Изд-во Моск. ун-та, 1952, стр. 140—141.

⁴ А. В. Востриков, Классики марксизма-ленинизма о связи языка и мышления, «Вопросы философии», М., 1952, № 3, стр. 47—64.

⁵ Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение, Лекции, читанные в 1899—1900 году, Б. м. и г., стр. 186.

5. А. В. Востриков усматривает в слове **смысл и значение**. Выражение «смысл и значение» противоречит сталинскому термину «смысловое значение»⁶ слова, о чем дальше будет сказано подробнее.

6. А. В. Востриков разные слова-омонимы считает «одним и тем же словом», которым можно «назвать совершенно разные по своей природе вещи. Например, слово „коса“ обозначает прическу, узкий мыс, орудие и т. д.» (стр. 60). На самом деле здесь три омонима, т. е. три разных слова, в чем нетрудно убедиться, обратившись хотя бы к толковому словарю под ред. Д. Н. Ушакова или к такому же словарю С. И. Ожегова. Подобная беспечность в отношении основных фактов лексикологии будет тормозить исследование проблемы соотношения языка и мышления, в частности смыслового значения слова и обозначаемого им понятия.

Несмотря на указанные замечания, работы Н. П. Антонова и А. В. Вострикова послужат полезными пособиями, систематизирующими имеющиеся в разных трудах высказывания классиков марксизма-ленинизма о неразрывной связи языка и мышления.

Переходим к статье проф. П. С. П о п о в а⁷. Научное изучение языка, указывает П. С. Попов, возможно лишь в связи с изучением мышления, и, наоборот, изучение мышления «с материалистической точки зрения плодотворно лишь в связи с соответствующими языковыми явлениями» (стр. 48). Отметим, что без слов не могло бы быть понятий, П. С. Попов пишет: «В речи мы не только формулируем мысль, но в то же время мы и формируем» (стр. 50). Приведа далее соответствующие положения И. В. Сталина, автор останавливается на вопросе о внутренней речи, рассматривая ее в свете сталинского учения о единстве языка и мышления как чувственную материальную основу мышления и показывая ее особенности. В то же время П. С. Попов неясно высказывается (стр. 52) об отношении внутренней речи к речи обычной. Здесь, вероятно, целесообразнее было бы говорить о разных процессах (или видах) мышления, получающих свое выражение в разных речевых процессах: или во внутренней речи, или в речи обычной. Не совсем ясно также, что хочет сказать автор, когда пишет: «...у людей в процессе трудовой практики возникает необходимость общения мыслями. И уже после этого преобразованием этого мыслительного общения является мышление для себя и про себя» (стр. 52).

Затем П. С. Попов, исходя из сталинского учения о языке, различает, с одной стороны, формы и законы мышления, а с другой — его конкретное содержание (причем, указывает он, ненадстроечный и неклассовый характер имеют лишь законы (например, закон тождества, противоречия и др.) и формы мышления (например, понятие, суждение, умозаключение и др.), но не содержание его, которое может быть как классовым, если имеются элементы идеологические, так и неклассовым, если они отсутствуют. Далее. Язык, не будучи классовым по своей природе, является важнейшим признаком нации, а законы и формы мышления не имеют ни национальных, ни классовых черт. Таким образом, формы мышления — общечеловеческие, чего никак нельзя сказать о формах языков. В том же плане автор говорит о необходимости разграничивать семантику отдельных взятых слов и семантику мысли, выражаемой этими же самыми словами. Подобно языку, продолжает проф. П. С. Попов, неклассовый характер имеют психо-физиологические способности человека ощущать, воспринимать, представлять и мыслить. Это не значит, конечно, что данные явления — неразвивающиеся, внеисторические.

Из дальнейших рассуждений П. С. Попова следует, что развитие логики как науки должно пойти путем приближения ее системы к системе языкознания, так как логика — это продолжение семасиологии исторически сложившихся конкретных живых языков, которые являются базой логики так же, «как содержание ощущений является базой мыслительной деятельности, но ее не покрывает и не исчерпывает» (стр. 56). В связи с этим в редакционной статье журнала «Вопросы языкознания» было справедливо указано следующее: «Аналогия между языком и ощущениями — крайне рискованная аналогия. Становится тем более непонятным, о семасиологии каких языков идет речь и нет ли тут смешения приема раскрытия логических категорий и операций при помощи материала того или иного языка с внутренним содержанием самой логики как науки. Во всех этих рассуждениях язык берется как общее, внеисторическое и венациональное понятие, как язык вообще, хотя в качестве иллюстрации того, как языковые показатели оказываются определяющими и обосновывающими важнейшие понятия и категории логики, приводятся факты латинского и современного русского языка. Особенно важными для логики представляются П. С. Попову явления „живых языков“...»

Во всяком случае необходимо признать, что попытки разяснить взаимоотношение и взаимодействие логики и грамматики, логики и семасиологии... пока еще не дали

⁶ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 10.

⁷ П. С. Попов, Учение И. В. Сталина о единстве языка и мышления и задачи логики, «Вестник Моск. ун-та», 1951, № 9, Серия обществ. наук, вып. 4, стр. 47—61.

ничего конкретно нового и поучительного для самого языкознания⁸. Заслуживает также внимания и еще одно замечание редакции: «Стремление сблизить логику с языкознанием заводит некоторых логиков очень далеко»⁹.

В конце статьи П. С. Попов призывает лингвистов учитывать, выявлять в языке понятийное содержание (стр. 60). Здесь необходимы три поправки. Во-первых, что такое содержание понятия? Как не может быть слов, не оформленных грамматически, так не может быть и понятий, не оформленных логически: частные и конкретные понятия — это своего рода «строительный материал» мышления; поступающий в распоряжение логического строя. Не следует ли поэтому различать в понятии значения смысловое и собственно логическое, соотносительные со смысловым и грамматическим значениями слова? Во-вторых, в языке выражается не только понятийное, но и всякое иное логическое содержание. В-третьих, наконец, в языке выражается не только логическое, но также психологическое и смысловое (семиологическое) содержание.

Языковеды-исследователи не могут, разумеется, допускать смешение разных аспектов в содержании языка или сводить их к чему-то одному, как это получилось у П. С. Попова. К данному вопросу мы вернемся несколько ниже и проанализируем его при обзоре следующей работы. В заключение надо сказать, что статья П. С. Попова интересна поставленным в ней вопросам, хотя не все они оказались разрешенными¹⁰.

Рассмотрим теперь опубликованную стенограмму лекции А. Г. Спиркина¹¹. Лекция распадается на ряд глав: «Язык как средство общения»; «Язык как орудие познания действительности»; «Специфические особенности языка и мышления»; «Логика и грамматика»; «Общечеловеческий характер законов мышления и национальный характер языка». По перечисленным вопросам читатель найдет в книге интересный материал, изложенный в сжатом виде и представляющий собой нечто вроде итогов современного научного знания. В лекции подвергнуты критике порочные положения акад. Н. Я. Марра, извращавшего марксизм в языкознании, в частности в области соотношения языка и мышления.

Исходя из сталинского учения о языке, А. Г. Спиркин высказывает новые соображения, например: «Отличительная черта логики состоит в том, что она исследует законы и формы мышления, имея в виду не конкретные понятия, а вообще понятия без какой-либо конкретности; она берет законы связи понятий в суждении, имея в виду не конкретные суждения, а вообще всякие суждения или умозаключения, безотносительно к конкретному содержанию того или иного суждения или умозаключения» (стр. 25).

Выделим некоторые из освещаемых лектором вопросов, преимущественно те, которые, являясь менее изученными, оказались поэтому изложенными менее точно и ясно. Мышление рассматривается в брошюре с двух сторон: как функция мозга и как форма отражения действительности в голове человека. В целях большей полноты следовало бы показать также мышление как процесс: о процессе мышления говорит К. Маркс¹².

Автор, как и П. С. Попов, касается также проблемы содержания мышления в отличие от его формы. Что же такое содержание мышления? Содержание мышления — это отраженная в мозгу человека объективная реальность. На стр. 31 читаем: «Мировоззрение, идеология, относящиеся не к формам мышления, а к его содержанию, носят надстроечный, классовый характер». Значит, в содержании мышления А. Г. Спиркин различает элементы классовые и неклассовые. В то же время он говорит о некласс-

⁸ Два года движения советского языкознания по новому пути [передовая], «Вопросы языкознания», М., 1952, № 3, стр. 9.

⁹ Там же.

¹⁰ С этой статьей проф. П. С. Попова связана другая, ему же принадлежащая, — «Суждение и предложение» (сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., Учпедгиз, 1950, стр. 5—35). О последней см. В. И. Бороковск и й, Вопросы синтаксиса современного русского языка, «Советская книга», М., 1951, № 7, стр. 96. См. также А. Чикобава, Новые работы по языкознанию, «Правда» 9 апреля 1951 г.

¹¹ А. Г. Спиркин, Вопросы языка и мышления в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, Стеногр. публ. лекции, прочит. в О-ве по распротр. полит. и науч. знаний в Москве, М., «Правда», 1951, 31 стр.

¹² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 525. В брошюре А. Г. Спиркина соответствующее высказывание Маркса приведено на стр. 26, но по другому поводу. На стр. 14 находим следующее замечание А. Г. Спиркина: «Человек отражает мир в своей голове в процессе мышления». Ср. также на стр. 20: «...важная роль грамматики определяется самой сущностью языка как средства общения, как орудия процесса мышления...» (в обоих случаях разрядка наша. — С. Ф.). Кроме того, о мышлении как процессе А. Г. Спиркин упоминает дважды на стр. 9. Все эти замечания А. Г. Спиркина, как видим, затрагивают вопрос, но не раскрывают его.

совом характере законов и форм мышления, не являющихся к тому же и национальными.

К сожалению, неясно затронут в брошюре вопрос, близкий к рассматриваемому, о характере метода мышления. На стр. 30 читаем: «...метод мышления, способ изучения явлений действительности являются составной частью мировоззрения, а мировоззрение в классовом обществе выражает интересы определенных классов». Значит, если мировоззрение классовое по своей природе, то и метод мышления как его составная часть имеет также классовый характер? Или нет? Вопрос этот у читателя возникает, но ответа автор не дает.

Особенно большое место А. Г. Спиркин отводит проблеме соотношения языка и мышления. Лектор утверждает, что язык — это средство «обобщенного и опосредствованного отражения действительности» (стр. 9). Да, в свете сталинского учения о языке это именно так. И. В. Сталин учит: «...язык о т р а ж а е т (разрядка наша.— С. Ф.) изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базе»¹³. Далее И. В. Сталин говорит: «Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно о т р а ж а я (разрядка наша.— С. Ф.) эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй»¹⁴.

Но в дальнейшем, неожиданно для читателя, лектор утверждает обратное, стало быть, и неверное: язык, по мнению автора, не отражает действительность. «Действительность, — пишет А. Г. Спиркин, — отражается не в слове, обозначающем предмет и фиксирующем понятие, а в понятии, которое выражается словом» (стр. 19). В доказательство этого ошибочного положения лектор ссылается на следующие слова Маркса: «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой». Совершенно очевидно, что приведенное изречение сюда не относится: указание на отсутствие общего у н а з в а н и я вещи с ее природой не есть отрицание отражения действительности в языке. Ни русское слово *окно*, ни узб. *дераза*, ни нем. *Fenster*, ни франц. *fenêtre*, ни англ. *window* — ни одно из них не связано с природой окна как вещи, предмета, но в каждом из них через понятие окна отражается известная часть действительности.

И слова, не обозначающие понятий, также отражают действительность, но через иные логические формы: какие именно, скажут логики. Предположить возможность существования слов без логического содержания означало бы допустить отрыв языка от мышления. Кроме того, действительность отражается в слове и через заключенное в нем смысловое значение. Следовательно, отражение действительности в словах (в словарном составе языка) опосредствованное.

Два слова о внутренней речи.

Основной тезис автора правилен: «Мышление, осуществляющееся на основе внутренней речи, получает свое полное выражение во внешней речи» (стр. 11). Но, говоря об известном афоризме Тютчева «Мысль изреченная есть ложь», А. Г. Спиркин по существу, просто отмахивается от него. Он пишет: «Ложная мысль, и не будучи „изреченной“, остается ложной» (стр. 11). Но, во-первых, и не «изреченная» мысль, если она мысль, на самом деле и з р е ч е н а — на основе внутренней речи; во-вторых, читатель ожидает здесь хотя бы самых кратких замечаний о различии между мышлением на основе внутренней речи и мышлением на основе внешней речи.

Для дальнейшего развития науки о языке чрезвычайно важно разрешение проблемы соотношения смыслового значения слова и понятия. Прежде чем обратиться к положениям, выдвигаемым А. Г. Спиркиным, рассмотрим вопрос о смысловом значении слова. Слово в лингвистическом аспекте включает в себе разные значения: смысловые, экспрессивно-стилистические¹⁵, грамматические; они являются взаимосвязанными, взаимопроникающими. Термин «смысловое значение» слова отныне должен войти в инвентарь понятий, категорий языковедческой науки: этот термин использует И. В. Сталин в своем труде «Марксизм и вопросы языкознания». Говоря об изменениях, происшедших в русском языке со времени смерти Пушкина, И. В. Сталин пишет: «Что изменилось за это время в русском языке? Серьезно пополнился за это время словарный состав русского языка; выпало из словарного состава большое количество устаревших слов; изменилось с м ы с л о в о е з н а ч е н и е (разрядка наша.— С. Ф.) значительного количества слов; улучшился грамматический строй языка»¹⁶. В том же труде И. В. Сталин указывает: «Смысловая сторона слов и выражений имеет серьезное значение в деле изучения языка»¹⁷.

Смысловое значение слова — это категория как лексики, так и семантики. До сих пор в лингвистике вместо термина «смысловое значение слова» употреблялся тер-

¹³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

¹⁴ Там же.

¹⁵ О стилистических значениях А. Г. Спиркин говорит на стр. 19—20.

¹⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 9—10.

¹⁷ Там же, стр. 37—38.

мин «лексическое значение», менее точный по сравнению с первым. Очевидно, правильно было бы понимать лексическое, или словесное, значение как систему заключенных в слове значений смысловых, экспрессивно-стилистических и грамматических.

Итак, в слове мы выделяем прежде всего смысловое значение. Однако А. Г. Спиркин не пользуется только что названным научным понятием, не ограничивает его от категорий логики и психологии и поэтому ему не удается найти единый принцип, которым бы он мог руководствоваться и который он мог бы последовательно проводить в своем изложении. Автор, скажем прямо, сбивается с одного принципа на другой.

Прежде всего А. Г. Спиркин определяет значение слова как «связь данного звукового комплекса с понятием» (стр. 18). Как видим, лектор по существу говорит здесь о смысловом значении и опирается при этом на логический принцип. В следующем абзаце снова говорится о смысловом значении, но уже без обращения к логическому основе: «Значение слова — это отнесенность данного звукового комплекса к тем явлениям реальной действительности и фактам психической жизни человека, которые данный звуковой комплекс обозначает» (стр. 18).

В дальнейшем, и очень скоро, рассуждения лектора направляются снова в сторону логики. В начале следующей страницы он утверждает, что слово «обозначает предмет» и «фиксирует понятие» (стр. 19). Дальше эта линия углубляется. На той же странице А. Г. Спиркин пишет: «...связь слова с каким-либо... понятием... образует... значение слова», — т. е. опять повторяет сказанное на предшествующей странице. Слово, рассуждает лектор, может быть связано как с одним понятием, так и более чем с одним. В первом случае связь однозначна (моносемия? — С. Ф.), в остальных — неоднозначна (полдисемия? — С. Ф.). Слово, по А. Г. Спиркину, может быть связано с основным понятием, и тогда оно обладает основным значением; в то же время слово может быть связано с неосновным понятием (или с неосновными понятиями), и тогда оно обладает неосновным значением (или неосновными значениями). Неосновные значения — это значения переносные, производные (стр. 19). Таков ход мыслей А. Г. Спиркина. Основа их как видим, логическая. Это во-первых, а во-вторых, в приведенных суждениях лектора много неясного. Обратимся к примерам. Возьмем глагол *идти* и рассмотрим его в двух предложениях: 1) студент *идет* в институт; 2) лед *идет*. Прежде всего неясно: слово *идти* обозначает здесь одно и то же логическое понятие или разные? И далее, если оно обозначает разные понятия, то которое из них является основным, а которое неосновным? Где критерий для разграничения основных и неосновных понятий?

Обращаемся к стр. 20, где лексическое значение слова понимается автором в качестве суммы таких слагаемых, как понятия, образы и эмоции: «...установление лексического значения слова означает раскрытие связей данного слова с теми понятиями, образами и эмоциональными моментами, которые оно выражает или вызывает в нашем сознании». В этих строках вопрос о смысловом значении слова освещается не только в логическом аспекте, но и в психологическом. Значит, А. Г. Спиркин понимает смысловое значение в одних случаях как категорию лингвистическую, в других — как логическую, а в третьих — как логическую и психологическую вместе.

И. В. Сталин указывает: «Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления...»¹⁸ И смысловое значение слов, и понятия, ими обозначаемые, и многое другое — все это «результаты работы мышления». Слово, обладая смысловым значением, обозначает те или иные предметы, явления, процессы объективной реальности. Для лингвиста этот материал, заключенный в слове, — смысловое значение, для логика и психолога — в одном случае понятие, в другом — представление или что-либо иное. Обратимся к примеру. Смысловое значение слова *стол* — предмет лексики и семантики (такие значения слов указываются, как всем известно, в толковых словарях). Кроме того, в содержании того же самого слова можно выделить значения: а) представления о столе и б) понятия стола. Таким образом, исследование смыслового значения слова — это один аспект, а выявление в слове, собственно говоря, психологического и логического «значений» — другой. Слово есть нечто, вмещающее в себе сосуществующие смысловое значение, понятия, представления, образы, эмоции и пр. В слове происходят взаимные трансформации смыслового значения в понятия или представления и наоборот; имеют место и другие взаимопереходы.

Наблюдаемая у А. Г. Спиркина неразграниченность смыслового значения и соотносительных с ним категорий логики и психологии неприемлема потому, что может дать повод к столкновению языка как явления не объективного, а психологического, между тем выражение в языке явлений психики ни в коей мере не самостоятельное: оно подчинено целям общения, целям «...обмена мыслями в обществе...»¹⁹, поэтому следует признать ошибочным различение смыслового значения и понятия, заключенных в слове. При всей их близости и взаимосвязи они не тождественны.

¹⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

¹⁹ См. там же, стр. 36.

Во-первых, не во всех словах одинаково соотношение смыслового значения и понятия, которые в словах-терминах равны друг другу, а в словах, обладающих полисемией, могут быть и равны, и не равны. Во-вторых, сам же А. Г. Спиркин правильно констатирует общечеловеческий характер законов и форм мышления и национальный характер языка. А что отсюда следует? Только то, что понятия имеют общечеловеческий характер, а смысловое значение слова — национальный, и это действительно подтверждается тем фактом, что какое-либо слово одного языка при переводе на другой сплошь и рядом отличается от оригинала не как одно понятие от другого, а теми оттенками, система которых и составляет смысловое значение слова, являющееся общенародным для каждого из носителей этих языков.

Где причина указанного заблуждения А. Г. Спиркина? Язык связан с психической деятельностью человека; через мышление она выражается в языке. Маркс и Энгельс определяют язык как «...практическое... действительное сознание...»²⁰ И. В. Сталин в труде «Марксизм и вопросы языкознания» приводит следующие слова Маркса: «Язык есть непосредственная действительность мысли». Следовательно, классики марксизма-ленинизма подчеркивают теснейшую связь сознания, мышления и языка. В свете этого положения, а также в свете ленинской теории отражения мы можем сказать, что источник образования смыслового значения, выражаемого в слове, понятии, представлении, образе и т. д., также выражаемых в слове, — один, это отраженная в мозгу человека объективная действительность. Таким образом, очевидна связь (по общему источнику) тех категорий, которые получают жизнь в слове. Из этой близости их, очевидно, и проистекает то, что они оказываются у А. Г. Спиркина неразграниченными. Совершенно ясно, что между ними есть нечто общее, но есть и нечто различное. Задача исследователей — выявить главным образом это различное.

И. В. Сталин направляет внимание исследователей не на общее, а именно на различное: «...у общественных явлений, кроме... общего, имеются свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки»²¹. Следовательно, каждый из объектов каждой из наук имеет свои специфические особенности. Недопустимо смешение их объектов, их аспектов разных наук.

Это не означает, конечно, того, что лингвист может исследовать связь языка и мышления только в плоскости анализа смысловых значений слов и выражений. Нет, изучение проблемы может идти и в плоскости соотношения слова и понятия, предложения и суждения, в плоскости соотношения заключенных в слове смыслового значения и понятия или представления и т. д. Но ясно, что во всех случаях специфика науки о языке не утрачивается, а сохраняется. Это положение остается в силе, если исследование той же проблемы ведется не лингвистом, а логиком или психологом: неразличение аспектов разных наук не может быть оправдано. И для исследователя-философа это требование не снимается.

Перед языковедами, философами, логиками и психологами в свете сталинских указаний возникает теперь задача исследования соотношения в слове категорий лексики и семантики, с одной стороны, и категорий логики, а также и психологии — с другой, конечно, при обязательном условии выявления специфики как первых, так и вторых.

Смысловая сторона языка — область семантики, «одной из важных частей языкознания». Из этого указания И. В. Сталина совершенно ясно, что семантика (семасиология), соприкасающаяся с логикой и психологией, не подменяется ими и не сливается с ними, а остается в системе языкознания. Поэтому не следует расширять границы семантики слова настолько, что в нее будут включаться и в ней будут высказываться разнообразнейшие категории логики и психологии. Мышление изучается языкознанием, логикой, психологией и физиологией, поэтому слово может стать объектом исследования и логиков, и психологов, и физиологов, которые наблюдают явления, их интересующие, но смысловое значение слова как один из объектов языкознания всегда остается самим собою. Нельзя насыщать его ни логическим, ни психологическим содержанием: языкознание, логика и психология — науки, соприкасающиеся одна с другой, но не вторгающиеся одна в другую. У каждой из этих наук, несмотря на их взаимосвязь, — свои задачи, свои объекты, относительные между собою.

Мы должны исходить из следующего указания И. В. Сталина: «...язык является объектом изучения самостоятельной науки, — языкознания»²², которая (наука) ограничивается в данном случае пределами значений слова (смысловых, экспрессивно-стилистических, грамматических), так как все остальное лежит за ее очертаниями или во всяком случае находится где-то на границе между языкознанием, с одной стороны, и логикой и психологией — с другой. Лингвистика изучает разные элементы, стороны языка: основной словарный фонд и грамматический строй, составляющие основу языка, сущность его специфики, словарный состав, звуки и прочее и в том числе «смысловую сторону слов и выражений» (Сталин), исследуемую в категориях семанти-

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 20.

²¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 35.

²² Там же, стр. 36.

ки (семасиологии), причем мы руководствуемся следующим сталинским указанием: «...разрабатывая вопросы семантики и используя её данные, никоим образом нельзя переопенивать её значение, и тем более — нельзя злоупотреблять ею»²³. Конечно, среди лингвистических наук грамматике принадлежит особое место: «...именно благодаря грамматике,— учит И. В. Сталин,— язык получает возможность облечь чело веческие мысли в материальную языковую оболочку»²⁴.

Итак, наука о языке изучает лишь языковое выражение мышления. Здесь граница. Задача состоит в том, чтобы не допустить смешения семантики (семасиологии) с сопредельными науками. А такая тенденция в рассматриваемой брошюре есть. Тем не менее лекция А. Г. Спиркина при всех очевидных ее недостатках является своевременной и нужной сейчас попыткой искания путей, ведущих к разрешению такой трудной проблемы, как соотношение языка и мышления.

Все рассмотренные выше работы принадлежат представителям философских наук, и только последняя, к которой мы теперь обращаемся, написана лингвистом — проф. Е. М. Галкиной-Федорук²⁵. В статье выделены следующие части: «Введение», «К вопросу о слове», «К вопросу о понятии», «Соотношение понятия и значения в слове». Эти главы определяются задачами, которые ставит перед собою автор: «1) понять природу слова, 2) выявить его значение и 3) установить соотношение слова и понятия, понятия и значения» (стр. 107). Постановка этих задач обоснована совершенно правильно: «После выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию стало невозможным изучение языка в отрыве от мышления» (стр. 105).

Обращаемся к первой главе «К вопросу о слове». Освещение этого вопроса начинается еще во «Введении». Проф. Е. М. Галкина-Федорук выделяет в слове следующие стороны: фонетическую, лексическую, грамматическую и категориально-логическую. Фонетическая сторона слова — его звуковой состав, иначе его «природная материя»; лексическая — лексическое (в традиционном понимании) значение слова; грамматическая — грамматическое значение слова; наконец, категориально-логическая сторона — это соответствие слова единице мышления: «слово является оболочкой известной формы мысли» (стр. 109). Мы находим и определение слова, которое есть «единица человеческой речи, состоящая из комплексов звуков, обозначающих содержание явлений действительности, и выражающая отношение к действительности, грамматически оформленная и понимаемая коллективом людей, объединенных исторической общностью» (стр. 109). Отношение слова к действительности, понимание его коллективом говорящих — это то новое в определении, что характеризует достижения советского языкознания. Однако за словом «познаваемая» следовало бы вставить «в процессе общения»: определение стало бы более точным и лучше выразило бы то понимание слова, которого придерживается Е. М. Галкина-Федорук, подчеркивающая (на предшествующей странице), что слово как единица языка служит средством общения.

Далее автор ограничивает слово от словосочетания и предложения, а затем доказывает, что между словом и называемой им вещью органической связи нет. Звуковой комплекс слова — это знак вещи, предмета, явления. Только в этом случае термин «знак» не имеет ничего общего со знаковой теорией, которую в языкознании можно понимать и материалистически, и идеалистически. Если же рассматривать как знак не звуковой комплекс, а отражение вещи, понятие, заключенное в слове, то это уже — проявление идеализма. Е. М. Галкина-Федорук подвергает критике идеи Потебни и младограмматиков, стоявших в этом вопросе как раз на такой точке зрения. «Видеть в слове знак знака мысли,— говорит она,— это значит — скатиться к знаковой, иероглифической теории, против которой так резко выступил В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм», обвиняя Гельмгольца и Плеханова в агностицизме, в символическом понимании явлений мира... Поэтому знаком в слове можно считать только его звуковой комплекс, но не понятие» (стр. 113). Таким образом, Е. М. Галкина-Федорук вносит некоторую ясность в неоднократно поднимавшийся на страницах советских лингвистических изданий вопрос о том, как надо понимать сущность знаковой теории в языкознании.

Правильно определяя лексическое (опять-таки в традиционном понимании) значение слова, как «его (т. е. слова.— С. Ф.) отнесенность к факту действительности» (стр. 113), Е. М. Галкина-Федорук делает особое замечание о предлогах. «Предлоги,— читаем мы,— хотя сами по себе не имеют единичного лексического значения, в соединении с другими словами конкретизируются в своих значениях, например... в выражениях «унал с трамвая», «ушел с отцом», «яблоко с голову» — значение предлога с будет различное» (стр. 113). В приведенной цитате нетрудно обнаружить проти-

²³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 38.

²⁴ Там же, стр. 24.

²⁵ Е. М. Галкина-Федорук, Слово и понятие в свете учения классиков марксизма-ленинизма, «Вестник Моск. ун-та», 1951, № 9, Серия обществ. наук, вып. 4, стр. 105—125.

воречие: в тезисе говорится, что предлоги «не имеют единичного лексического значения», а примеры показывают не что иное, как единичные лексические значения. Впрочем, может быть, мы имеем дело с неисправленной опечаткой. Возможно, автор говорит здесь о том, что предлоги не имеют е д и н о г о лексического значения. При решении вопроса о значениях предлогов мы считаем исходным моментом следующую мысль акад. В. В. Виноградова: «Связочные слова характеризуются явным преобладанием грамматических значений над лексическими»²⁶. В рассматриваемой статье показывается далее, что на лексическое значение слова налагается эмоциональная окраска, субъективная оценка, причем «...значение и оценка неразрывны» (стр. 114).

Для уяснения проблемы соотношения языка и мышления очень важным является следующее утверждение Е. М. Галкиной-Федорук: «Мы не можем сомневаться,— пишет она,— что язык выражает не только элементы мышления, но и чувство, и волю. Эмоции и воля выражаются не непосредственно, а опосредствованно, осознанно, через мышление» (стр. 114).

Нельзя не пожалеть, что авторы, пишущие о языке и мышлении, часто обходят этот чрезвычайно существенный момент. Отрадным исключением являются статья Ф. И. Георгиева «Ощущение и мышление — субъективный образ объективного мира»²⁷, цитируемая статья Е. М. Галкиной-Федорук, а также статья Н. П. Антонова «И. М. Сеченов о происхождении и развитии мышления»²⁸, в которой говорится, что И. М. Сеченов отчетливо видел взаимосвязь психических процессов, в частности памяти и мышления. Излагая эти идеи И. М. Сеченова, Н. П. Антонов пишет: «Через голову человека в течение всей его жизни не проходит ни единой мысли, которая не создалась бы из элементов, зарегистрированных в памяти»²⁹.

Следовательно, память и другие проявления человеческой психики связаны через мышление с языком. И такой вывод не вызывает ни малейших возражений, так как «...язык,— пишут Маркс и Энгельс,— как раз и *есть* практическое... действительное сознание...»³⁰ Энгельс подчеркивает взаимосвязь ощущений, чувств и мышления. «К нашему глазу,— пишет он,— присоединяются не только еще другие чувства, но и деятельность нашего мышления»³¹. Поэтому постановка Е. М. Галкиной-Федорук вопроса о выражении в языке не только мышления, но и чувств, и воли через мышление является правильной.

В главе «К вопросу о понятии» Е. М. Галкина-Федорук, вскрывая логическую сторону слова, констатирует: «Всякое понятие реализуется, выявляется в слове или в словосочетании. Без слова понятий не существует» (стр. 117).

В последней части статьи, именуемой «Соотношение понятия и значения в слове», говорится, что «не все слова выражают понятия, но все имеют значение» (стр. 120). «В разных словах понятие и значение слова находятся в различных отношениях» (стр. 121), и «никак нельзя отождествлять логическое понятие и словесное значение в слове» (стр. 124): понятия включают только существенные признаки, а в основу развития значения слова может лечь и несущественный признак. Автор говорит: «В большинстве слов значение и понятие совпадают, образуя единое логико-предметное значение, но такое явление наблюдается далеко не во всех словах. Например, все междометия понятий не образуют. Нет понятий, как логических категорий, и в некоторых местоимениях, и в словах-союзах, частицах» (стр. 124—125), и в собственных именах существительных (стр. 120).

Что есть слова, не выражающие понятий,— это действительно так. Но здесь, в свете сталинского учения о единстве языка и мышления, возникает проблема: если какое-то слово не заключает в себе понятия, то оно (слово) должно иметь какое-то иное л о г и ч е с к о е содержание. Какое именно? Ведь каждое слово есть материальная оболочка если не мысли в целом, то ее элементов. Соглашаясь с Е. М. Галкиной-Федорук в том, что «слова-междометия, выражающие чувство, волю..., логических понятий не заключают, так как не имеют предметно-логического значения...» (стр. 125), мы должны помнить, что логические значения в словах — не только п р е д м е т н о л о г и ч е с к и е. Это во-первых. Во-вторых, разные психические процессы получают свое выражение в речи через мышление, следовательно, и междометия выражают в словах чувство, волю не непосредственно, а опосредствованно—только через мышление, а раз так, то и в междометиях, и в подобных им словах присутствует некое логическое содержание, в одних случаях в большей, в других — в меньшей мере. Выявить и определить его — задача специального исследования.

²⁶ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., Учпедгиз, 1947, стр. 34.

²⁷ См. «Вестник Моск. ун-та», 1948, № 6.

²⁸ См. «Ученые записки» Ивановского гос. пед. ин-та, т. III. Исторические и педагогические науки, Иваново, 1952, стр. 217—241.

²⁹ Там же, стр. 236.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 20.

³¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, Госполитиздат, 1952, стр. 190.

Статья проф. Е. М. Галкиной-Федорук, читающаяся с большим интересом, помогает разрешению рассматриваемой проблемы³².

*

Все рассмотренные работы вызваны к жизни классическим трудом И. В. Сталина по языкознанию. В них, как мы видели, собраны, систематизированы и прокомментированы высказывания классиков марксизма-ленинизма, а также затронуты разнообразные вопросы, входящие в проблему взаимосвязи языка и мышления: семантика (семасология) и логика, соотношение смыслового значения слова и понятия и др. Сделаны первые, крою, может быть, робкие шаги, но бесспорно — начало положено.

Впереди — огромные задачи. В свете сталинского учения о языке ощущается настоятельная потребность в создании специальных монографий по следующим вопросам: язык и сознание; язык и мышление; сознание и мышление³³; мышление на основе внутренней речи; мышление на основе устной речи; мышление на основе письменной речи; грамматика и логика; лексика и логика; семантика (семасология) и лексика; семантика и грамматика; семантика и логика; смысловое значение слова и понятие; семантика и психология; смысловое значение слова и выражение через мышление в слове (в языке) различных проявлений психической деятельности человека; а также: память, мышление и язык; воображение, мышление и язык; эмоции, мышление и язык; воля, мышление и язык и многие другие. Все эти темы очень тесно между собой связаны.

Создание таких монографий на основе марксизма-ленинизма приведет советскую науку к всестороннему разрешению сложнейшей проблемы взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимопроникновения языка и мышления.

С. А. Фессалоницкий

От редакции. Ниже приводится перечень некоторых работ, затрагивающих вопрос о связи языка и мышления и не нашедших своего отражения в обзоре С. А. Фессалоницкого.

А г а я н Э. Качественные переходы в языке.— «Известия [АН Арм. ССР]. Обществ. науки», Ереван, 1952, № 9, стр. 25—46.— На арм. яз. А л е к с а н д р о в Г. Ф. Развитие И. В. Сталиным марксистско-ленинской теории познания в трудах по вопросам языкознания.— «Вестник АН СССР», М., 1952, № 6, стр. 5—21. А л е к с а н д р о в Г. Ф. Труды И. В. Сталина о языкознании и вопросы исторического материализма.— [М.], Госполитиздат, 1952. 512 стр. (Ин-т философии АН СССР.) А л е к с е в М. Н. Суждение и предложение. Автореферат канд. дисс.— М., 1950. 14 стр. [Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.] А н ц и ф е р о в А. И. Учение академика И. П. Павлова о высшей нервной деятельности и проблема мышления. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. [Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.] Б у н а к В. В. Начальные этапы развития мышления и речи по данным антропологии.— «Советская этнография», М.—Л., 1951, № 3, стр. 41—53. В и н о г р а д о в В. В. Вопросы языкознания в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и решений XIX съезда КПСС.— «Вопросы языкознания», М., 1953, № 1, стр. 3—33. В и н о г р а д о в В. В. Критика антимарксистских концепций стадильности в развитии языка и мышления (1923—1940).— Сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании». Ч. I. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 60—150. Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». [Сб. статей.]— М., Изд-во АН СССР (Ин-т философии.) [Вып. 1]— 2-е, доп. изд., 1951. 456 стр. Вып. 2—1952. 320 стр. Г а п р и н д а ш в и л и Ш. Г. К вопросу о природе развития языка.— Сб. «Иберийско-кавказское языкознание». Т. III. Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1952, стр. 184—206.— На груз. яз. Резюме на русск. яз. К и р ю ш и н П. М. Единство языка и мышления в свете учения И. В. Сталина о языке.— «Известия АН БССР», Минск, 1952, № 4, стр. 3—15. К о р ч а г и н А. А. Суждение и предложение в свете сталинского учения о единстве мышления и языка. Автореферат канд. дисс.— М., 1952. 16 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.) К о с т ю к Г. С. Взаимоотношение языка и мышления в свете труда И. В. Сталина по языкознанию.— «Українська мова в школі», Киев, 1952, № 3, стр. 11—22.— На укр. яз. Л е о н о в М. А. Вопросы марксистской

³² К перечисленным в обзоре работам по вопросам языка и мышления примыкает также статья Н. А. К о н д р а ш о в а и А. Г. С п и р к и н а «Происхождение языка и мышления», помещенная в сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», Изд-во Моск. ун-та, 1952. О ней см. в рецензии Р. А. Б у д а г о в а и В. Н. Я р ц е в о й, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 4, стр. 113.

³³ Вопрос о границах между категориями сознания и мышления игнорируется во всех работах. Достаточно сказать, что ожидаемой статьи о сознании не появилось в новом, третьем, издании «Краткого философского словаря», под ред. М. Р о з е н т а л я и П. Ю д и н а (Госполитиздат, 1952).

теории познания в свете труда И. В. Сталина по языкознанию.— «Вопросы философии», [М.], 1952, № 5, стр. 115—131. Ломтадзе Э. А. К вопросу о природе развития языка.— Сб. «Иберийско-кавказское языкознание». Т. III. Тбилиси, 1952, стр. 137—180.— На груз. яз. Резюме на русск. яз. Маковельский А. Учение о взаимоотношении языка и мышления в трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания.— Сб. «Труды И. В. Сталина по языкознанию и вопросы азербайджанского языкознания», Баку, 1952, стр. 19—28. Мешкаускас Е. Вопросы взаимоотношения языка и мышления в свете труда товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».— «Вестник АН Литов. ССР», Вильнюс, 1952, № 9, стр. 66—75.— На литов. яз. Мовсесян А. Вопросы языка и мышления в свете трудов И. В. Сталина о языке.— Сб. «Исследования по языкознанию и арменоведению». Т. I. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1951, стр. 19—38. Надирашвили Ш. Психология речи и мышления в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания.— Сб. «Шестая науч. конференция аспирантов. 10—12 июня 1952 г. План работы и тезисы докладов». Тбилиси, Изд-во ун-та, 1952, стр. 19—21.— На груз. яз. Николенко Д. Ф. Развитие мышления и языка у детей дошкольного возраста.— «Дошкільні виховання», Киев, 1951, № 2, стр. 5—12.— На укр. яз. Рамишвили Д. И. К вопросу о взаимоотношении процессов мышления и речи в идеалистической и советской психологии.— Сб. «Иберийско-кавказское языкознание». Т. III. Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1952, стр. 427—482. Рамишвили Д. И. Проблема взаимоотношения речи и мышления в свете учения товарища Сталина о языке.— Сб. «Дискуссия на тему: „Некоторые вопросы советской психологии“». 8—10 апреля. Тезисы докладов. Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1952, стр. 22—30. Соколов В. С. Развитие И. В. Сталиным марксистско-ленинского учения о единстве языка и мышления. Автореферат канд. дисс.— М., 1952, 15 стр. (Моск. обл. пед. ин-т Мин-ва просв. РСФСР.) Спиркин А. Г. Учение И. П. Павлова о двух сигнальных системах — естественно-научная основа сталинского учения о языке.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», М., 1951, № 3, стр. 221—236. Стычинский И. Л. Мышление и речь.— «Халык мугалими», Алма-Ата, 1951, № 4, стр. 30—42. Таванец П. В. Суждение и предложение.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», М., 1951, № 2, стр. 155—164. Чернокозова В. Н. Суждение и предложение в свете учения И. В. Сталина о единстве языка и мышления. Канд. дисс.— Иркутск, 1951. 518 л. (Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова.)— Напеч. на пиш. маш.— Библиогр. л. 509—516. Шемякин Ф. Н. Вопросы языка и мышления в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию.— Сб. «Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 291—331. Шорохова Е. В. Учение И. П. Павлова о сигнальных системах.— Сб. «Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 332—369. Штофф В. А. Развитие товарищем Сталиным марксистско-ленинского учения о языке и мышлении.— Сб. «Науч. сессия [Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова]. 1950 г. Тезисы докладов по секции философ. наук», Л., 1950, стр. 9—13.

Словарь русского языка. 52 000 слов. Сост. С. И. Ожегов. Под общ. ред. С. П. Обнорского. 2-е изд., испр. и доп.— М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 848 стр.

В наши дни каждый новый языковедческий труд привлекает к себе пристальное внимание советских людей и расценивается как событие в культурной жизни страны. Естественно, что особенно живой отклик получают работы, адресуемые массовому читателю и рассчитанные на повышение культуры устной и письменной речи. К такому типу языковедческих работ принадлежит однотомный «Словарь русского языка», составленный С. И. Ожеговым. Словарь представляет собою руководство с весьма широким охватом явлений языка, подлежащих нормализации. Он указывает нормы употребления слов и образования их форм, дает правила произношения и правописания. Словарный состав языка показан здесь в реальных и разнообразных возможностях его практического использования в устной и письменной речи. Воздействие сталинского учения о языке на развитие научной мысли в области лексикографии проявляется при простом сопоставлении первого издания (1949 г.) словаря с новым его изданием (1952 г.), исправленным и дополненным, хотя все еще не свободным от недостатков.

В своем анализе мы остановимся на следующих вопросах: 1) произносительные нормы и ударение, 2) порядок расположения слов, 3) состав словника, 4) толкование значений, 5) различение омонимов, 6) метод выделения фразеологии и 7) грамматические характеристики и пометы, определяющие экспрессивные признаки слов. Иногда мы привлекаем и некоторые факты из области историографии вопроса, чтобы представить материал рецензируемого словаря в определенной исторической перспективе.

1. В историографии вопроса о русской орфографии рецензируемый труд занимает определенное место. Напомним, что среди ученых наблюдались значительные разногласия в характеристике современного русского литературного произношения. Так,